

— Каково было начинать шоу, когда в городе введен комендантский час?

— Довольно неприятно. Чувствуешь, что ты лишен свободы и находишься под чьим-то пристальным оком. У зрителей состояние тревожное или даже боязливое, заканчивать нужно не позднее 21.15. Эти жесткие рамки очень угнетали.

— У тебя еще были случаи, когда приходилось начинать концерты в подобной ситуации?

— Еще хуже было. В 1985 году целый месяц в Афганистане пел. Взрывы снарядов заглушали звук из колонок. Во поездочка запоминающаяся выдалась!

— Ты рассказывал, что хотел с помощью шоу подарить людям праздник в такое невеселое время, а самому-то тебе до происходящих событий было какое-то дело?

— Конечно, я же не могу отгородиться и ничего не слышать и не знать. Хорошо, что все закончилось именно так, а не иначе. Ведь опасность поворота истории всплыть маячила весьма отчетливо. Но неприятный осадок, конечно, остался. Страшно наблюдать, как кто-то пытается палками и камнями решить судьбу страны и поколений.

— Выходит, назад тебя не тянет. Значит, ты ничего не оставил и не потерял в тех временах?

— Здоровье разве что. Каждый новый год отнимает ведь и новые силы, которые я отдаю работе почти без остатка. А еще мне что терять? В застойные годы имел достаточно болячек, чтобы не жалеть о происходящих переменах. Я проникал на сцену отнюдь не по проторенной дорожке. Говорю это без злости, но не забывая.

Десять лет назад я был запрещенным певцом и для этого, и для многих других залов, и для большинства телепередатчиков. А сегодня мне хорошо: что хочу, то и ворочу. Правда, появилась экономическая несвобода. Чтобы хоть что-то своротить, надо много денег назанимать. А потом эти долги как-то отдавать.

— А тогда, лет десять назад, ты был финансово независим?

— По крайней мере, если я что-то задумывал, концертная организация старалась помочь в меру своих возможностей. Филармония, в которой я работал, оплачивала пошив костюмов, закупала аппаратуру. Под новую программу выделялись какие-то средства. А сегодня я сам себе и отдел кадров, и бухгалтерия.

— В концертных организациях тогда не существовало какого-нибудь негласного реестра, согласно которому ты мог претендовать на то-то и то-то, а другой исполнитель совсем на иное?

— Трудно сказать. Но я с подобным не сталкивался. Напротив, однажды мне, как ни странно, здорово помог ЦК ВЛКСМ — оплатил покупку аппаратуры стоимостью 150 тысяч долларов!

— Сейчас все стало достаточно пестрым, но на прежней эстраде ты был яркой фигурой, единственной в своем роде. Многие товарищи с люмпенизированной психологией это раздражало. Помнится, ходили слухи, что на гастролях на тебя иногда "наезжали" какие-то местные гошники. Это действительно так?

— Нет, слава Богу, такого не случалось. Надо постучать по дереву.

— Однако твои симпатии, наверное, не равномерно делаются между

всеми концертными площадками страны? Есть любимые?

— Есть. Например, зал "Октябрьский" в Петербурге. По отношению к нему я испытываю не только чувство любви, но и долга. Здесь меня принимали, даже когда в "России" не пускали дальше вахты.

— Слушай, я все-таки не совсем понимаю, как происходило это непущание тебя в концертный зал?

— Очень просто. В 1982-м, допустим, мы готовили в "России" авторский вечер Тухманова. Я был одним из участников программы. Днем все отрепетировали. А в 19.00 я приехал на концерт, но вахтер преградил мне дорогу.

Оказалось, что на репетиции присутствовал КТО-ТО, кому показалось, что я наносу ущерб советскому строю, и было велено меня не впускать. Редактор программы ходила, плакала, но изменить что-либо была бессильна.

— Ты хотя бы ведал, какова мотивировка запрета на тебя?

— Только догадывался.

За две недели октябрьских сольных концертов в Москве ЛЕОНТЬЕВ наслушался, кажется, столько лести и искренних восторгов в свой адрес, что все интервью, думается, должны были слиться в один непрекращающийся диалог с неким ОНО, которое без устали потчует его душу очередными порциями елеса и ждет в ответ публичных откровений. Продолжать в том же духе было скучно. И с согласия "звезды" перейдя на "ты", захотелось просто поговорить с Валерием о чем придется в пустой примерной,

поддерживать энергетику. "Кир" может дать что-то сию секунду, но в целом выплывает из формы.

— Почему ты решил дать такое большое количество концертов? Я что-то не припомню, кто еще из наших "звезд" в последнее время устраивал более чем по десять сольных подряд.

— А что делать-то? Люди ведь идут. Более того — еще просят. Поэтому в декабре мы собираемся здесь же эту программу повторить.

В плане заработка мне "Полнолуние" пока ничего не принесло. Я сейчас хочу лишь раскрутить это шоу, сделать так, чтобы его увидели как можно больше людей, из-за этого мы и цены на билеты сделали весьма умеренными.

Честно говоря, после двух недель концертов я не только не нажился, но еще и доплатил из собственного кармана. Со мной же работали 100 человек, и со всеми я рассчитался. А побочных расходов сколько! Мы на следующий день после последнего концерта гуляли, а рабочие декорации размонтировали, те-

еще на сцене. Может, это годы берут свое? Вообще, ты боишься старения?

— Ты со мной разговариваешь прямо как с динозавром каким-то. Вчера бегал, сегодня еще танцуешь, а завтра уже и ноги не сдвинешь, так что ли? Да нет, я еще прекрасно чувствую себя на сцене и своей энергией могу поделиться со многими двадцатилетними исполнителями.

— Кстати, сегодня ты ощущаешь себя в тусовке или же вне ее, или над ней?

— Как сказать? Мне кажется, я никогда плотно не сидел в тусовке и не стремился в нее. Постоянно занимают какие-то собственные проекты, идеи, дела. Я даже сборных концертов, по возможности, сторонюсь, поскольку в них каждый так или иначе старается перетянуть одеяло на себя и искренней атмосферы не получается.

— Валерий, тут на столе книга "Калигула, или После нас хоть потоп". Это ты сейчас читаешь?

— Нет. Мне ее только что купили, я еще даже не открывал.

— А кто тебе книги по-

будь брякаю.

Сам посудите: если человека более всего интересует, с кем я трахаюсь, он же может и не читать интервью.

— Хорошо сказано. Ну а что лично тебе интересно как читателю?

— Уж не знаю, хорошо это или плохо, но газет я не читаю. А если говорить о книгах, вот сейчас появилась серия "Мировой бестселлер", еще множество других ранее не упоминавшихся у нас произведений, и это мне интересно.

— А всякие умные книжки читаешь?

— Я прочел их когда-то в большом количестве. Проста перечитываю до сих пор. Еще люблю Лема, но не как занятиного фантаста, а как действительно большого философа и мыслителя.

— Когда ты выступал последний раз в роли зрителя?

— Ой, очень давно. Даже на концерты коллег сейчас не успеваю, хотя они на мои приходят. Если удастся, смотрю, в основном, кино.

— Какое?

— Да, в общем-то, без разбора. Есть у меня налаженный канал поступления ви-

ПОСЛЕ "ПОЛНОЛУНИЯ" В "РОССИИ"

Журнал - 1993 - 30 окт. - с. 5

Многочисленным цензорам, видимо, не нравилась моя "отвязка" на сцене — явная эмоциональная раскрепощенность. Да и тексты моих песен очень активно требовали на "литовку".

— Но тебе предлагали какие-нибудь компромиссные решения?

— Да, предлагали постричься, одеться в костюм с галстуком и т.п. Я не соглашался, и на меня постоянно накладывали вето. Приходилось действовать по принципу: не пускают здесь — пойду (или поеду) туда, где пустят.

Каждый запрет был шоком, но я все равно опускал, что зрители меня любят, и с маниакальным упорством пел и снимался. Редакторы, которые нормально ко мне относились, приглашали меня на телевидение. Помню, как Сапа Масляков крайне удивился, столкнувшись со мной в коридоре "Останкины", ведь 1981-й, 82-й, 83-й годы были на ТВ для меня закрытыми.

— Кому-то, помнится, ты ответил, что ощущения Родины у тебя нет. А вот Гребенщиков в одной из песен сказал: "Чтобы стоять, я должен держаться корнями". Несмотря на отсутствие ощущения Родины, есть какие-нибудь корни, за которые ты держишься?

— Тут сложно сказать... Вот ты где родился?

— В Москве.

— И вырос в Москве, и живешь в Москве. Это твоя Родина. А я родился проездом в деревне Усть-Уса (Коми АССР). Почему там? Да потому, что там находился ближайший роддом в момент, когда матушка заохала. Из-за профессии отца мы нигде не жили больше шести месяцев. Я плохо помню места своего детства. Год учился в одной школе, полгода — в другой. А географическая привязка ой как важна для чувства Родины. Кто-то может вспомнить дом детства, улицу детства, а я — нет.

У меня есть привязанность к знакомым людям, к родному языку, к моим зрителям, вероятно, это мои корни.

— Если бы завтра тебе пообещали все условия для раскрутки на Западе, ты бы поменял страну обитания?

— Хотелось бы попробовать. Это любопытно, но совсем не означает полного разрыва с Россией.

— Своим мистико-экзотическим "Полнолунием" ты хотел просто поразить публику или идея была глубже?

— Хотелось предложить людям атмосферу, идущую вразрез сегодняшней серости и обыденности. Пусть зрители хоть на два часа перенесутся из мира своих проблем в мир нереальный.

— Вне сцены ты выглядишь удивительно флегматичным, это из-за того, что всю энергию оставляешь в зале?

— Наверное, так.

— А откуда ты вообще ее берешь? Вызываешь перед концертом усилием воли или прибегаешь к помощи различных стимуляторов?

— Нет, я не колдую, травку не курю и спиртное с некоторых пор не употребляю, поскольку оно как раз мешает

перью нужно и им банкет устроить. Это же по-человечески.

— Недавно ты говорил, что прочитал статью, в которой автор рассказывал о тебе так, что ты и впрямь задумался: "Не явление ли я?" Так можешь ты сейчас описать себя как явление?

— Да нет. Это я все-таки подчеркивал чисто журналистскую удачу. А сам я никогда столь глобально о себе не думал. Называть себя ничего не значащим человеком или дерьмом — тоже не хочу, но внутренняя неуверенность мне очень свойственна. Иногда кажется: вот сделал что-то очень яркое и стоящее, а через десять минут думаю, что это вообще не имеет права на существование. Наверное, и хорошо, что так.

— В 1985 году в "Лужниках" под песню "Все бегут, бегут, бегут..." ты носился по залу, как спринтер, сейчас ты уже не носишься, но танцу-

куешь?

— Ребята из группы или администратор.

— А сам?

— Бывает, и сам покупаю, когда устраиваю торговлю прямо на концертной площадке. В магазины я не хожу.

— Почему?

— Я человек стеснительный и сторонюсь мест, где собирается много народу. Не люблю, когда в меня тычут пальцем.

— Тогда в чем для тебя выражается слава?

— Слава — это профессиональная атрибутика. Слава — это когда на твоих концертах много зрителей. Все остальное — тоже слава: и "наскальная живопись" в подъезде, и крики чересчур эмоциональных поклонников во время выступлений и т.п. Но такое меня уже не столько привлекает, сколько отталкивает.

— И все-таки, ты самый любимый человек?

— Наверное, а как же себя не любить-то?

— Раз ты сторонись людей, в магазины не ходишь, должен существовать кто-то, кто занимается твоим бытом?

— У меня есть человек, который готовит еду, следит за моим гардеробом, за тем, чтобы в моем холодильнике были продукты. Так что все очень просто.

— Человек этот, случайно, не жена?

— Нет.

— А если ты когда-нибудь откроешь холодильник, а еды в нем нет, ты выгонишь этого человека?

— Нет, никогда. Прокол может случиться с каждым. Не стоит из таких моментов делать далеко идущие выводы. Я работаю с людьми по многу лет. У меня есть клавишница, с которой мы уже 21 год, с саксофонистом и директором больше десяти. Я уживаюсь с людьми и не имею надобности в свите, достаточно нескольких человек, которые понимают тебя и могут общаться.

— Семейной жизни для тебя не существует?

— Я знаю, что ряду читателей такие темы всегда интересны и журналистам приходится задавать подобные вопросы. Обычно стараюсь на них не отвечать, но, если уж совсем достают, что-ни-

деопродукции. Что приносят, то и смотрю. Досматриваю, разумеется, не все.

Я очень люблю мир кино и мечтаю когда-нибудь сделать что-то достойное и на этом поприще. У меня уже были определенные контакты с кинематографом. Правда, упаси Бог, еще хоть раз петь в кино. Это так скучно. В "Как стать звездой" мне удалось поэкспериментировать на данную тему.

— А в "Экстрасенсах" ты снялся, потому что у "звезд" сегодня модно осваивать актерское амплуа?

— Нет, просто мне всегда хочется делать что-то кроме пения. Очень интересует, например, драматургия. Я ведь на сцене свои песни, как правило, не просто исполняю, а как-то разыгрываю. Порой даже возникает мысль, а своему ли делу я посвятил жизнь?

— Что еще тобой не высказано, что не удалось излить ни в песнях, ни в шоу?

— Многие. Но пока я на это не решаюсь. Боюсь кого-нибудь обидеть. Еще ведь столько не сказано о чрезвычайной духовной бедности многих людей, которых я вижу. Но как это сделать? Долгие годы эти люди не могли прикоснуться к тому, чем жил и живет цивилизованный мир. Им кажется, что у них все нормально, что желания, которыми они дышат, — прекрасны. И переубедить их сейчас — значит нарваться на злобу и непонимание.

— Поэтому ты живешь за городом и перемещаешься только на машине? Если не секрет, какой?

— На "Линкольне" 1993 года выпуска, цвета "полноночный опал".

— И хотя ты не пьешь, чтобы ты сказал, если бы тебя попросили проанализировать тост, за который выпьют все?

— Дай Бог, чтобы люди не думали, во сколько им нужно возвращаться домой, чтобы они были свободны и не мешали своей свободой другим.

А еще я верю, что наступят времена, когда мы будем знать те, наверняка существующие где-то высоко, законы, которые управляют всем живым и неживым на этой планете.

Михаил МАРГОЛИС.
Фото Н. САМОЙЛОВОЙ.